

теЛевского происхождения, которые Иоанн Дамаскин, возможно, просто выбрал из книг Григория Нисского и Немесия. Не будучи мыслителем высокого полета, он сыграл значительную роль в качестве передатчика идей. В нем, безусловно, следует видеть одного из самых важных посредников между культурой греческих отцов и латинской культурой западных теологов средневековья.

Общее впечатление, которое оставляет греческая патристика, состоит в том, что доминирующее философское влияние на нее оказали Платон и неоплатоники. Это, конечно, не единственное влияние. Напротив, мы отмечали, что первые отцы, как и стоики, легко принимали материалистическую концепцию души и что подчас нелегко быть уверенным в том, что они думали о ее существовании в период между смертью тела и воскресением. Христианские авторы, писавшие на греческом языке, часто выражали взгляды аристотелевского или стоицистского происхождения. Однако представляется неоспоримым, что в целом влияние Платона тогда победило. Это настолько очевидно, что иногда говорили о «платонизме отцов» и даже называли их богословие простой адаптацией неоплатонизма. Эта проблема выходит за пределы греческой патристики, поскольку возникает также в связи со св. Августином, но данные для ответа содержатся в самих творениях греческих отцов, и ответы в обоих случаях одинаковы.

Прежде всего следует оградить себя от искажения перспективы, почти неизбежного в нашем исследовании. Стремление вычленив из произведений теологов элементы философии, воспринятые ими, ведет к приданию этим элементам значения, которого они не имеют в теологических системах, откуда извлечены. Для отцов Церкви ни истина веры, ни выражающие ее догматы ни в Малейшей степени не зависят от философии, и главное для них — вера. Формула «платонизм отцов» приводит к абсурду, если при этом имеется в виду, что отцы были платониками. Ибо на самом деле они были хрис-

тианами, адептами религии спасения через веру в Иисуса Христа, а вовсе не учениками философов, для которых единственным возможным спасением было воздаяние за здоровое упражнение разума.

Если эта формула и правомерна, то в другом смысле. Верно, что отцы Церкви открыто заняли определенную позицию по отношению к различным философским учениям и что они различали среди них более или менее далекие и более или менее близкие к учению христианской веры. Поэтому трудно возразить на то, что среди всех философов Платон набирал наибольшее число очков, причем самых важных. Причины такого успеха очевидны, так как их следствия засвидетельствованы самими отцами. Платон представляется союзником христианства по многим важным пунктам его учения: о демиурге Вселенной; о Боге-Промыслителе; о существовании сверхчувственного божественного мира, лишь отражением которого является мир чувственный; о духовной природе души и ее превосходстве над телом; о просвещении души Богом; о ее нынешней рабской зависимости от тела и о необходимости борьбы, чтобы подчинить тело душе; наконец, о бессмертии души и о загробной жизни, где душа получит награду или наказание за свои поступки. Можно продолжить перечень христианско-платоновских соответствий, особенно если вступить на почву собственно теологии. Известно, например, что в произведениях Платона и — в большей степени — неоплатоников искали более или менее смутное предчувствие христианской Троицы: Демиург возвещает об Отце, «Нус» соответствует Слову, Душа мира — Святому Духу. В XII веке Абельяр и несколько других представителей Шартрской школы еще раз подчеркнут эти соответствия. Пойдем дальше: все учение Платона было вдохновлено такой любовью к истине и к божественной реальности, к которой стремится всякий истинный философ, так что трудно вообразить философию, которая, не будучи религией, была бы к ней настоль-